

УДК 355.356 + 355.4

США – ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ОТ ВОЙНЫ К СОЮЗУ (исторический очерк)

© 2011 г. **С.Л. Печуров***
НИО Министерства обороны РФ, Москва

В своей истории США проходили через ряд серьёзных испытаний, в значительной степени отразившихся не только на внутривнутриполитическом устройстве, но и на проводимом ими внешнеполитическом курсе. Весьма существенное влияние и на государственное строительство, и на определение места США на международной арене оказывало состояние двусторонних американо-британских связей, те позиции, которые официальный Лондон занимал в отношении приобретших независимость и вставших на путь самостоятельного интенсивного развития своих североамериканских колоний, объединившихся в мощное государственное образование.

Ключевые слова: Сенат, Конгресс, парламент, независимость, Гражданская война, империя, империализм, великие державы, «Священный союз», монархия, война, буры, колонисты, англосаксы.

У специалистов-международников сложилось стойкое, подтверждаемое многими фактами убеждение в том, что имеет место тесная, если не сказать, жёсткая координация внешнеполитических курсов англосаксонских государств, прежде всего США и Великобритании, во многом обусловленная не только принадлежностью этих стран к одним и тем же межгосударственным военно-политическим, экономическим и другим блокам и организациям в рамках Западной цивилизации, но также схожей ментальностью, «расовой идентичностью» представителей истеблишмента данных государств. Однако процесс консолидации англосаксов на международной арене на протяжении более чем 200-летней истории претерпевал неоднократные откаты и поступательные движения, спады и подъёмы, концентрируясь главным образом на взаимоотношениях двух главных субъектов англосаксонского мира – Великобритании и Соединённых Штатов.

Как правило, развитие американо-британских отношений подразделяется на несколько этапов:

1. Основание и становление британских колоний в Северной Америке с одновременным ростом в них лидирующих позиций англосаксов, 1607–1763 годы;

* ПЕЧУРОВ Сергей Леонидович – генерал-майор, доктор военных наук, профессор, действительный член АВН, член Научного совета при СБ РФ.
E-mail: USA-Canada@mail.ru

2. Открытое противоборство британских анклавов в Северной Америке с метрополией, 1763–1815 годы;
3. Эволюция американо-британских отношений от перманентной конфликтности к становлению зрелых, взаимоуважительных отношений, 1815–1861 годы;
4. От кризиса, вызванного противоречиями периода Гражданской войны в США, к заключению взаимоприемлемого соглашения о сотрудничестве и арбитраже, 1861–1871 годы;
5. Преодоление острых противоречий на основе принципов равенства, 1871–1898 годы;
6. Формирование базы союзнических отношений на основе общности интересов и «расовой идентичности», 1898 г. – начало XX века.

1. Основание и становление британских колоний в Северной Америке

В англоязычной исторической литературе общепризнано, что история США берёт начало 5 марта 1496 г., когда английский король 1485–1509 гг. Генрих VII вручил итальянцу на английской службе Джованни Каботу (он же Джон Кэбот) патент на исследование Северной Америки. В ходе последовавших экспедиций был сделан ряд географических открытий на Североамериканском континенте и параллельно с этим пошла постепенная колонизация северных территорий Нового Света выходцами из Европы, главным образом с Британских островов [7, р. 5]. Начало же британским колониям в Северной Америке, собственно с чего берут отсчёт американо-британские отношения, было положено основанием в 1607 г. первого большого поселения – Джеймстауна. Вслед за этим в основном ангlosаксы, но также и их исторические соперники французы («латиняне») быстро основали многочисленные населённые пункты от Лабрадора на севере континента до испанской Флориды на юге. Примечательно, что во всех этих поселениях, чуть позже объединённых в более крупные образования – колонии – постепенно главенствующую роль стали играть именно выходцы с Британских островов, внёсшие в зарождавшуюся здесь общественно-политическую жизнь дух свободолюбия, порождённого Великой Хартией вольностей и победоносным восстанием 1642 г. в Англии под руководством Оливера Кромвеля, которое освободило англичан от довлевшей над ними веками теории о «ниспосланном с небес абсолютном праве монархов».

Однако, хотя и ограниченные во власти, британские короли продолжали назначать по своему разумению наместников-губернаторов в сформировавшиеся к тому времени колонии. Проблема состояла в том, что переданные монархами колониям властные полномочия всё чаще стали входить в противоречие с решениями, предлагавшимися избираемыми самими колонистами представительными органами. Немудрено, что сбегавшие от европейских деспотий поселенцы и их потомки отвергали принципы внешнего руководства повседневной жизнью в колониях и уповали на утверждение здесь полного самоуправления. Примечательно, что, если в 1775 г. из 8 млн. населения Англии только 150 тыс., или ме-

нее 2%, имели право выбирать представителей в британский парламент, в североамериканских колониях в те же годы из трёхмиллионного населения в среднем почти 5% имели полноценное право голоса [7, р. 7].

В конце концов тлевшая многие годы напряжённость во взаимоотношениях метрополии и её колоний в Северной Америке, число которых к концу XVIII века достигло 13, стала выливаться в открытую вражду. Ситуация усугубилась тем, что воцарившийся на престоле в Лондоне король (1760–1820) Георг III вознамерился вернуть североамериканские колонии в автократию и «навести порядок» на подчинённых короне территориях.

2. Открытое противоборство британских анклавов с метрополией

Первоначально Лондону удавалось использовать факторы разобщённости североамериканских колоний, сосредоточенности населения в каждой из них на своих внутренних делах и почти полном отсутствии стремления к объединению даже перед лицом внешних угроз. Однако автократичный Георг III в результате ряда ошибочных шагов и сам того не желая, содействовал лавинообразному росту недовольства колонистов. Прежде всего это касалось серьёзного ужесточения таможенного контроля, что вызвало возмущение местных торговцев и спровоцировало беспрецедентный рост контрабанды с соответствующей репрессивной реакцией со стороны колониальных администраций. Король отказал колонистам в их вооружённой защите от индейцев и французских конкурентов, взвалив бремя организации военного отпора на самих колонистов, что потом аукнулось британцам в ходе войны североамериканских колоний за независимость. Даже такой, казалось бы, судьбоносный шанс в виде кратковременного объединения усилий королевских войск и вооружённых отрядов англосаксонских колонистов по захвату канадских территорий в 1763 г. и окончательного подчинения их короне Георг III обратил против себя, взвалив возмещение материально-финансовых затрат на те же колонии. Это, естественно, добавило масла в разгоравшийся пожар всеобщего недовольства.

Данные и подобные им шаги официального Лондона до крайности возбудили радикальные слои колонистов. Примечательно, однако, что далеко не всё население колоний было настроено на формальное отделение от метрополии. Крупные землевладельцы, а также большинство страдавших от неупорядоченных экономических отношений бизнесменов и придерживавшихся традиционной ориентации на монархию консерваторов отвергали раскол. В целом противники отделения составляли примерно треть населения колоний. Ещё одна треть колонистов, в основном фермеров средней руки, относилась к происходящему индифферентно. И только оставшаяся треть населения колоний, возглавляемая такими неординарными личностями и блестящими организаторами, как Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон, отчаянно взялась за воплощение в жизнь идеи независимости. Данной группе воинственно настроенных деятелей, представлявших по сути все слои общества, стоило немалых трудов, чтобы в конце концов поднять большинство населения колоний на борьбу с метрополией. Несогласованность в планах и действиях, дезорганиза-

ция войск, неадекватное финансирование – всё это, казалось бы, неминуемо должно было привести к провалу. Но невероятная целеустремлённость, одухотворённость идеалами свободы и независимости, охватившие сначала руководителей, а затем и массы восставших, привели к победе.

Длившуюся почти семь лет (1776–1783 гг.) Войну за независимость североамериканских колоний от метрополии, принимая во внимание беспрецедентные социальные последствия, зачастую называют Американской революцией. Но многие на Западе именуют её и Первой гражданской войной в Северной Америке, в которой с обеих сторон участвовали в подавляющем большинстве представители одной расы – англосаксонской, но отражавшие диаметрально противоположные спектры внутривнутриполитического устройства – автократию и демократию.

Поражение английской монархии в данной войне (или революции) многие западные исследователи склонны объяснять и непопулярностью этого вооружённого противоборства в самой Британии, вызвавшего крайнее недовольство англичан узурпаторскими методами правления монарха. Дело доходило до того, что многие офицеры королевской армии демонстративно отказывались выполнять приказы и выступать против колонистов. Отражая настроения общества, ряд британских государственных деятелей – противников войны объединился, чтобы «дать бой» королю и его ставленникам, но не на поле брани, а в английском Парламенте. Ими была избрана, как оказалось, беспроигрышная тактика блокирования планов подчинявшегося королю Военного министерства по силовому давлению на колонистов. Постепенно в Парламенте стали преобладать силы, ставшие в жёсткую оппозицию королю и в конце концов навязавшие ему свою волю.

Ослабление позиций сторонников войны во главе с монархом в Лондоне обернулось военным поражением королевских войск в Северной Америке. Тем самым Американская революция самым непосредственным образом оказала воздействие и на политическую жизнь метрополии. С того времени монархи в Британии утратили абсолютную власть, а британские правительства исполняют волю избираемого населением Парламента. И, что наиболее важно в контексте данного повествования, начала претерпевать кардинальные изменения британская политика в отношении колоний и самоуправляемых территорий (доминионов). Как подчёркивают американские исследователи, одним из последствий Американской революции стало оформление прочного сообщества англосаксонских наций, а лидера войны за независимость Дж. Вашингтона не без основания даже стали величать «основателем Британской империи» [7, р. 19]. Но это случилось значительно позже.

Между тем, отношения между пока ещё слабым и не доведённым до кондиций союзом бывших британских колоний в Северной Америке и метрополией оставались достаточно напряжёнными. Американское руководство, целиком занятое проблемами формирования полноценного, хотя и на федеративных основах, государства, не находило ни времени, ни ресурсов для того, чтобы каким-либо образом вмешиваться в решение международных вопросов. А обстановка в Европе, главной арене военно-политических битв того времени, на-

калилась до предела и была готова «вырваться» за пределы Старого Света, чтобы так или иначе затронуть Свет Новый.

В 1793 г. Британия вступила в войну с Францией, которая продолжалась почти непрерывно в течение 22 лет и превратилась в смертельную схватку с Наполеоном Бонапартом. По мере того как обострялась и расширялась борьба в Европе, давление, оказываемое на Североамериканские Штаты с целью заставить их открыто примкнуть к той или иной державе, становилось всё более ощутимым. Ряд постановлений, законов и декретов в Лондоне, и Париже, казалось бы, направленных на осложнение функционирования управленческих структур противника, в той или иной степени начал затрагивать интересы США. Так, в ноябре 1806 г. Наполеон объявил о блокаде британских портов. В ответ Британия начала блокаду портов Франции, что особенно негативно отразилось на американской торговле с Европой в целом и вызвало бурю негодования в США. Более того, Лондон, ощущавший дефицит в военных и торговых морях, многие из которых дезертировали за океан – подальше от войны и за более приличным жалованием, начал кампанию повального досмотра американских судов и насильственного возвращения британских моряков. В ответ на эти действия американский Конгресс 18 апреля 1806 г. принял закон, запрещающий ввоз некоторых британских товаров. Обстановка постепенно накалялась. 22 июня 1807 г. при заходе в один из североамериканских портов британский фрегат открыл огонь по американскому кораблю, который «не слишком ретиво» маневрировал на рейде и мешал ему. В ответ президент США (1801–1809 гг.) Т. Джефферсон внёс в Конгресс и «продавил» законопроект об объявлении эмбарго на торговлю с Британией. Впоследствии этот шаг американского лидера был расценён как один из поводов к развязыванию войны.

Официальный Лондон, естественно, не мог оставить без ответа «недружественные меры» американцев. Англичанами почти в открытую были предприняты шаги по зондированию возможности отторжения от США восточных штатов, где были сильны англофильские настроения. В свою очередь и новый президент США (1809–1817 гг.) Джеймс Мэдисон, опиравшийся на «ястребов» в политическом истеблишменте, рассматривал северного соседа – британскую Канаду – в качестве «легкой добычи» в случае развязывания военных действий. С другой стороны, Британии, всецело увязшей в борьбе с Наполеоном, было не с руки начинать ещё одну войну, сулившую большие затраты, да к тому же за морем. Либералам в британском Парламенте удалось склонить правительство консерваторов-тори отозвать репрессивные законы и декреты, в наибольшей степени ущемлявшие интересы США. Это было сделано 16 июня 1812 г. Американский же Конгресс 18 июня, т.е. через два дня, объявил войну Британии. Был бы в то время трансатлантический кабель, чтобы почти мгновенно довести до Вашингтона решение британского Парламента, сетуют сегодня некоторые западные аналитики, вполне возможно, что 30-месячной войны можно было избежать [7, р. 26].

Однако в тот период истории начатая в 1812 г. война имела для США важное значение. Её даже иногда называют «Второй войной за независимость». Тем не менее, поначалу американцы, ввязавшись в вооружённое про-

тивоборство с бывшей метрополией, оказались совершенно к нему не готовы. Благодаря практически отсутствовавшей торговле с Европой, казна оказалась пустой, сухопутная армия, набранная наспех и необученная, едва насчитывала 10 тыс. человек. Британцы же на первых порах просто не могли уделять этому театру военных действий должного внимания. И всё же немногочисленным отрядам войск короля удалось отбить нападение на подконтрольные короне канадские территории. Но в сражениях на морях, к своему удивлению, «законодатели морской моды и традиций» первоначально терпели позорные поражения от «заокеанских выскочек». На сторону британцев перешли индейские племена, питавшие надежду на избавление от постоянно усиливавшегося гнёта со стороны американцев. Правда, это мало помогло.

Боевые действия с переменным успехом продолжались два года, но по завершении войны в Европе в 1814 г. англичане направили за океан в качестве усиления несколько лучших полков Веллингтона. 24 августа они вошли в Вашингтон, сожгли Белый дом, Капитолий, другие административные здания, затем выдвинулись к Балтимору, который, правда, взять так и не смогли. Обе стороны элементарно «выдохлись». К тому же непопулярность этой «братоубийственной, внутрирасовой», как её окрестили по обе стороны Атлантики, войны охватывала всё большие слои общественности как в Британии, так и в США. Особое недовольство курсом официального Вашингтона на конфронтацию с Лондоном проявили правящие круги северо-восточных штатов, которых стали называть «английской партией» или даже «изменниками». Мало того, что эти штаты всячески препятствовали федеральному правительству в концентрации военных усилий, например, путём отказа предоставить местное ополчение в распоряжение военного департамента, блокирования выделения займов и т.п., так в декабре 1814 г. представителями «мятежников» был сформирован так называемый Хартфордский Конвент, который выдвинул предложение в знак протеста против войны отделить Новую Англию от США [3, р. 400]. Лишь объявление об официальном перемирии на этот раз спасло США от внутренней смуты. Сепаратисты успокоились. Мирный договор был подписан в Генте 24 декабря 1814 г. По нему обе державы возвращали свои завоевания, но обходили полным молчанием разногласия, вызвавшие войну, т.е. формально «все остались при своих».

И всё же в США конец войны был встречен с невероятным энтузиазмом, как в стране-победительнице. Главным её итогом стало упрочение уз, связывающих воедино штаты, и осознание населяющих их людей единым американским народом.

3. От перманентной конфликтности к уважению интересов

Однако факт завершения войны без удовлетворения взаимных претензий сторон оставлял весьма вероятным шанс возобновления военных действий. Тем более, что в Лондоне опять укрепились позиции консерваторов-тори, оценивавших руководство США как «скопище безответственных радикалов». Одним из неурегулированных вопросов был контроль судоходства на Великих

озёрах. Каждая из сторон, чтобы решить вопрос в свою пользу, начала наращивание в регионе военно-морской мощи, что было чревато возникновением в любой момент вооружённого конфликта. Американцам было не по силам соперничать с «владычицей морей», и они были вынуждены выдвинуть идею решения проблемы путём компромисса. В 1816 г. американский министр-посол в Лондоне Дж. Куинси Адамс предложил главе британского МИД лорду Р. Каслри наложить обоюдные ограничения на военно-морской потенциал в районе озёр. Британцы, из принципа поторговавшись, в конце концов согласились с убедительными доводами «на этот раз ответственно подошедших» к решению проблемы американских партнёров. И уже весной 1817 г. британский министр-посол в Вашингтоне Ч. Бэгот и временно исполнявший обязанности госсекретаря США Р. Раш подписали соглашение, в соответствии с которым вооружения в районе озер сократились до минимума, обеспечивая лишь полицейские функции. Вслед за этим путём переговоров же к обоюдному удовлетворению были разрешены и проблемы, связанные с районами и квотами рыболовства.

Налаживавшийся было мирный диалог между ещё не забывшими о недавней вражде сторонами был прерван инцидентом, который чуть не привёл к очередному вооружённому столкновению.

Подстрекаемые испанцами индейские племена семинолов долгое время терроризировали пограничные американские поселения на юге страны, периодически вторгаясь на территорию США из испанской Флориды и наводя ужас на местное белое население. В декабре 1817 г. американские войска под командованием генерала Э. Джексона провели карательный рейд во Флориду и заняли испанский город Сент-Маркс. В ходе боестолкновений с индейцами американцами были пленены два британских подданных Арбутнот и Амбристер, исполнявшие роль «советников» у индейцев. Оба были подвергнуты жестокому допросу, затем – скорый суд и казнь через повешение. Эта экзекуция совершенно неожиданно для американцев вызвала столь бурную реакцию протеста в Британии, что даже был поставлен вопрос в Парламенте об объявлении войны США. С невероятным трудом, благодаря проамерикански настроенным британским либералам было принято решение о проведении расследования, в результате чего стороны пришли к выводу о том, что «поведение этих людей не заслуживает снисхождения ввиду нанесённого ими ущерба интересам дружественных США» [7, р. 34]. Инцидент на этом был исчерпан.

Следующие несколько лет в развитии американо-британских отношений не были омрачены сколько-нибудь существенными конфликтами. Более того, именно в этот период имело место даже некоторое сближение внешнеполитических интересов, положено начало консолидации политики и согласование курсов обеих держав на международной арене. В этом плане весьма характерна подоплёка разработки и принятия в США так называемой «доктрины Монро».

Как известно, после устранения с европейской арены Наполеона Бонапарта державы-победительницы восстановили у руля власти во Франции династию Бурбонов. И по предложению российского императора Александра I был сформирован военно-политический блок – Священный союз трёх монархов –

России, Австрии, Пруссии, позднее к ним присоединилась Франция. Целью данного неформального объединения было в том числе недопущение впредь повторения «французского прецедента», пресечение в зародыше всяческих революционных поползновений. И повод для совместных репрессивных действий вскоре был представлен. В Испании вспыхнуло восстание, направленное на свержение короля. Монархическая же Франция, поддержанная членами Священного союза, вмешалась в события и восстановила на престоле в Мадриде короля. К этому времени в разбалансированных испанских владениях в Америке активизировалось мощное движение за независимость. Испанский монарх тут же призвал Священный союз вмешаться и помочь Мадриду вернуть утраченные колонии. Европейские монархии откликнулись на призыв и начали военные приготовления.

Такая активность «континентальных» европейских держав не могла не взволновать британцев, увидевших в этом прямую угрозу своим интересам в глобальном масштабе. Сыграв на «ультрадемократических» настроениях Вашингтона, «либеральный» Лондон предложил американцам план действий для блокирования усилий «автократов Священного союза». В ходе секретных переговоров глава внешнеполитического ведомства Британии Дж. Каннинг предложил министру-послу США в Лондоне Рашу обсудить совместный план действий. Эта идея вызвала неподдельный интерес у американского президента (1817–1825 гг.) Джеймса Монро, который незамедлительно обратился за советом к влиятельным членам политического истеблишмента США – бывшим президентам Дж. Мэдисону и Т. Джефферсону. Первый заявил, что кооперация с Британией в деле противодействия Священному союзу может возыметь успех в случае совместной угрозы применения оружия Вашингтоном и Лондоном. Автор Декларации независимости также рекомендовал президенту не отвергать предложение британцев, поскольку «даже чисто демонстративные акции будут содействовать делу сплочения» англосаксов на международной арене [7, р. 38].

Президент же, воспользовавшись рекомендациями своего прагматичного окружения, прежде всего госсекретаря Адамса, решил не идти на официальный военный союз с Лондоном из опасений возможного открытого противодействия этой идее со стороны сенаторов, в среде которых ещё не были изжиты антибританские настроения как следствие предыдущих неоднократных конфликтов с бывшей метрополией. Взамен он оперативно сформулировал и 2 декабря 1823 г. провозгласил новый внешнеполитический курс, получивший известность как «доктрина Монро». Декларация этого курса, выдержанная в жёстких тонах и отвергавшая какую-либо возможность вмешательства других государств, в первую очередь России, в дела стран Нового Света, фактически перечеркнула планы Священного союза по новой колонизации земель на американских континентах*. Британия и подконтрольное ей англосаксонское руко-

* Как отмечает в «Энциклопедии российско-американских отношений» профессор Э.А. Иванян, внешнеполитическая доктрина президента Монро была вызвана к жизни планами российского императора Александра I расширить владения России южнее имевшихся территорий по северо-западному побережью в Северной Америке. Поэтому адресована она была прежде всего России [2, с. 340].

водство британских колоний и зависимых территорий тут же поддержали американскую доктрину, что придало ей дополнительный политический вес. В свою очередь, лидеры государств Священного союза, питавшие надежды на углубление раскола в стане англосаксов, были обескуражены и даже парализованы в действиях, по сути уступив на определённое время инициативу своим оппонентам на международной арене.

В действительности, неурегулированность некоторых спорных вопросов в британо-американских отношениях время от времени давала о себе знать в виде периодического их обострения вплоть до угрозы применения военной силы. Так, в 1837 г. имело место довольно серьёзное ухудшение двусторонних отношений вследствие «Каролинского инцидента». В ходе беспорядков на канадском берегу Великих озёр активная помощь антибританским агитаторам и погромщикам оказывалась с американской территории, для чего использовалось небольшое каботажное судно «Каролина». Канадские правоохранители были вынуждены высадиться на американский берег, сжечь судно и вступить в боестолкновение с местными военизированными подразделениями охраны. В результате один американец был убит. Возникший локальный конфликт быстро перерос в международный, приведший к выдвижению серьёзных взаимных претензий. И лишь в результате усилий политиков с обеих сторон и специального расследования была доказана неправомерность действий американских подстрекателей. Вашингтон выразил с этим согласие, и проблема сошла на нет.

Через пять лет, в 1842 г., вновь отношения между Лондоном и Вашингтоном обострились, но на этот раз как следствие неурегулированности территориальной проблемы и отсутствия демаркации на некоторых участках канадо-американской границы, в частности на территории штата Мэн. Из-за возросших темпов колонизации данную проблему во избежание серьёзных последствий стороны посчитали необходимым разрешить оперативно. Из Лондона в Вашингтон для переговоров был делегирован лорд Ашбертон, кандидатура которого устраивала американцев, поскольку британский аристократ был известен как ярый сторонник англосаксонизма и объединения всех англоговорящих народов в «Англосаксонский союз» (*Pax Anglo-Saxon*). Тем не менее, острые дискуссии продолжались в течение четырёх месяцев, но 9 августа 1842 г. всё же завершились компромиссным соглашением, известным как Договор Уэбстера – Амбертона.

Не успели сойти на нет страсти вокруг разграничения в штате Мэн, как возник новый территориальный спор, чуть было не переросший в вооружённый конфликт между США и Британией. Речь шла о северо-западной границе, а точнее о принадлежности части территории Орегона (берег залива Пьюджет-Саунд и Вилламетская долина), спонтанно заселённой гражданами обеих стран. В президентской избирательной кампании 1844 г. демократы во главе со своим кандидатом Джеймсом Полком выдвинули лозунг «Весь Орегон наш!». После победы на выборах Полк (президент с 1845 по 1849 гг.) в инаугурационной речи подчеркнул, что «права США на эту территорию ясны и неоспоримы» [3, т. 4, р. 243]. В ходе начавшихся переговоров британцы в резкой форме отвергли притязания американцев. Полк дал команду прервать перегово-

воры, а Конгресс призвал приступить к военной защите национальных интересов. Обе стороны вовремя осознали, что в их отстаивании «зашли слишком далеко» и согласились пойти на компромисс. В июне 1846 г. было заключено соответствующее соглашение.

Примечательно, что в те же самые годы до крайней степени обострились территориальные проблемы с южным соседом США – Мексикой. Но в данном случае ни о каком компромиссе не могло идти и речи. Американские руководители, пропитавшиеся идеями «англосаксонской исключительности», считали ниже своего достоинства идти на какие-либо уступки «латинянам». В ходе победоносной Мексиканской войны 1846–1848 гг. к США были присоединены Техас и Калифорния с прилегающими территориями.

Несмотря на официально выражаемое удовлетворение «расширением англосаксонского жизненного ареала» как результата продвижения США на юг и юго-запад, Лондон в то же время с некоторой опаской воспринимал «не согласованную» с ним американскую экспансию, рассматривая её как возможный в будущем вызов британскому мировому доминированию. Озабоченный успехами Вашингтона в территориальных приобретениях британский министр иностранных дел Генри Дж. Т. Палмерстон даже начал зондаж позиции Парижа на предмет возможного взаимодействия в деле предоставления гарантий единства Мексики [7, р. 46].

4. Эволюция от кризиса в отношениях к сотрудничеству

Двойственность в позиции официального Лондона в отношении Вашингтона в наиболее яркой форме проявила себя в ходе крупнейшего в истории США внутреннего кризиса, приобретшего форму Гражданской войны и чуть было не приведшего к развалу государства, построенного на федеративных началах.

Следует отметить, что 50-е годы XIX столетия в истории США отличались перманентными внутренними конфликтами по вопросам разделения полномочий объединившихся в союз штатов и федерального правительства, а также условий пребывания штатов в этом союзе, включая нюансы и степень допущения в отдельных из них рабовладения. Главный тон в политике вокруг полномочий властей задавали южные штаты, руководство которых при поддержке большинства населения в конце концов поставило вопрос о сецессии, т.е. отделении от США. Так и не добившись решения ни одной из принципиальных проблем, угрожавших самому существованию страны как единого государства, 4 марта 1861 г. Президент (1857–1861) Джеймс Бьюкенен покинул свой пост, оставляя все эти проблемы в наследство своему преемнику – Аврааму Линкольну (президент в 1861–1865 гг.). К этому времени процесс отделения южных рабовладельческих штатов (11-ти из общего количества 34) уже набрал приличную скорость: собравшись в Монтгомери (штат Алабама) 4 февраля 1861 г. сепаратистский конгресс их представителей без серьёзного противодействия официальных властей утвердил Конституцию Конфедеративных Штатов Америки и выбрал Джефферсона Дэвиса президентом, а Александра Стеффенса – вице-президентом конфедерации.

В этой связи нельзя не отметить, что по преобладающим в исторических исследованиях (как отечественных, так и зарубежных) упрощённым оценкам, считается будто консервативные слои обществ европейских держав питали надежды на неминуемый крах «американского режима любителей свобод». В Британии аристократическая верхушка, подмявшая под себя консерваторов различных мастей, также, по мнению значительного числа историков, склонялась к поддержке конфедератов. Другая же, примерно равная первой, часть британского общества, представленная либералами, якобы поддерживала «демократический союз», включавший северные штаты во главе с законно избранным президентом Линкольном [7, р. 47].

В действительности, ситуация накануне и в первые годы Гражданской войны (1861–1865 гг.) была более запутанной и сложной. Так, по мнению видного авторитета в области истории США Ф. Майерса, на первых порах в Европе в целом и в Британии в частности, борьбу американского Севера с американским же Югом рассматривали как чистой воды империалистическое проявление официального Вашингтона, выражавшееся в стремлении подавить освободительное движение «бедных, но гордых, южных республик». Примерно так, как в эти же годы в Европе, всеобщую симпатию различных слоёв общества снискали национально-освободительные движения в ряде многонациональных держав-империй [12, р. 1]. Что же касается процветавшего в южных штатах в те годы рабовладения, то, как полагали многие, в том числе и в Британии, получив независимость, Конфедерация просто будет вынуждена упразднить рабство, чтобы влиться в сообщество современных цивилизованных государств. Да и многие сторонники союза североамериканских штатов склонялись к тому, что стране, попавшей в системный кризис, «следует освободиться от оков отсталого Юга», чтобы получить импульсы для поступательного развития. Такая мешанина мнений, позиций, аргументов и контраргументов не могла не отразиться и на официальной позиции Лондона. Выждав месячную паузу с начала боевых столкновений южан и северян, в мае 1861 г. британское правительство заявило о нейтралитете [3, т. 6, с. 76].

Данная позиция Британии, естественно, не могла удовлетворить Вашингтон, где политический истеблишмент интерпретировал «нейтралитет» Лондона как косвенное признание мятежников-конфедератов и в связи с этим выразил своё «глубокое возмущение». Но и сами северяне, что называется, «подставились»: Вашингтон, объявив блокаду побережья южных штатов и обратившись в Верховный суд с иском о незаконных действиях южан, тем самым признал статус Конфедерации в качестве законной воюющей стороны и подтвердил легитимность позиции британского правительства.

Между тем, вяло начавшиеся внутренние военные действия с неизбежностью стали затрагивать и интересы других государств, в первую очередь Британии. Будучи практически признанной в качестве воюющей стороны Конфедерация осенью 1861 г. назначила своими комиссарами в Лондон и Париж видных политиков – бывшего полномочного министра США Дж. Мейсона и бывшего сенатора от Луизианы Дж. Слайдера, которые через Кубу на британском почтовом судне «Трент» 7 ноября отправились в Европу. Избыток усердия по осуществлению блокады южных штатов со стороны одного из команди-

ров военных кораблей северян чуть было не вверг США и Британию в настоящую войну. Федеральный фрегат «Сан-Джасинто» под управлением капитана Уилкса остановил «Трент» в открытом море, арестовал и снял обоих комиссаров с борта британского судна. Этот поступок лихого капитана возбудил большой энтузиазм на Севере; он удостоился приветствия от Конгресса и был произведён в коммодоры. В Лондоне, напротив, это оскорбление, нанесённое национальному флагу, вызвало единодушный взрыв негодования; правительство потребовало освобождения пленников, удовлетворения за обиду и начало приготовления к войне. Особое возмущение у британцев вызвал тот факт, что буквально несколькими годами ранее (в 1858 г.) официальный Лондон признал неправомерность подобных действий со стороны британских ВМС, которые в том числе и спровоцировали войну 1812 г., и обязался не поступать подобным образом впредь. Вашингтонские власти были вынуждены «отыграть назад», и 1 января 1862 г. оба пленника были выпущены на свободу.

Негодование в британском обществе, причём во всех его слоях, вызвал и факт формирования в сухопутных армиях северян отдельных частей, комплектуемых исключительно ирландцами, выходцами с Британских островов. Тысячи ирландцев, ныне американских граждан, включившись в противоборство с конфедератами, относились к службе под звёздно-полосатым флагом как к борьбе, которая, как они надеялись, однажды освободит Ирландию от английского ига. И эта надежда усиливала отвагу и энтузиазм ирландской бригады, входившей в состав Потомакской армии северян. Сыны Эрина (древнее название Ирландии) нутром чувствовали связь между Британией и Конфедерацией, и именно на это делал упор командир ирландской бригады Томас Ф. Мигер, который произнёс тут же распространённые по всему миру тогдашними средствами информации ставшие знаменитыми слова: «Каждый наносимый удар, сражаясь за дело союза, мы нацеливаем на сателлитов Англии – врага нашей прародины и её народа!» [5, с. 68].

В этих условиях британское правительство, пытаясь «поставить на место» Вашингтон, начало откровенно подыгрывать конфедератам. Первым делом британцы не стали чинить препятствия южанам в приобретении оружия, в том числе лучших на тот момент в мире длинноствольных винтовок Энфилдс [5, с. 35]. Более того, конфедератам при явном попустительстве британских властей удалось приобрести в Британии же целую флотилию разновеликих судов, переоборудовать их в военные корабли и успешно применять сначала для деблокирования своего побережья, а затем и для атак судов и побережья северян. В нарушение американо-британского соглашения Раша – Бэгота от 1817 г. о демилитаризации в районе Великих озёр, опять же при попустительстве британских властей, конфедератами были организованы по сути пиратские рейды с канадского побережья на территорию, контролируемую северянами.

Масштабы активности южан на морях постоянно расширялись. В Тихом океане не без помощи британского доминиона Австралии конфедератам удалось нейтрализовать действия китобойного флота северян, а в Атлантике рейдеры южан фактически парализовали прибрежную торговлю северных штатов. Не содействовало нормализации отношений и открытое игнорирова-

ние Лондоном требования Вашингтона о передаче построенного по американскому заказу на британских верфях коммерческого крейсера «Алабама», который после спуска на воду попал в руки конфедератов. Всё это вызвало неподдельное возмущение северян, но не получило никакой реакции в Лондоне [7, с. 51–52].

Таким образом, в повестку дня в обеих столицах был внесён вопрос о реальной возможности развязывания войны как формы разрешения накопившихся взаимных претензий. Пожалуй, единственным путём к началу военного конфликта между странами могло быть прямое вмешательство Британии в Гражданскую войну в США. Но Вашингтон, всецело втянувшись в кровопролитный и весьма затратный внутренний конфликт, не был заинтересован в ещё одной войне, на этот раз с внешним врагом. Хотя порой, как видно из вышеизложенного, предпринимал непродуманные, скорее даже провокационные, шаги как раз в противоположном направлении.

Но к началу 60-х годов XIX века в Европе – кухне мировой политики – ситуация кардинально изменилась не в пользу Британии. Значительный политический вес приобрёл Париж, по сути исторический антагонист Лондона, а также неимоверно окрепшая Пруссия, сразу заявившая о своих симпатиях к северянам. На аналогичных позициях стояла и российская монархия, традиционно противодействовавшая экспансионизму Британии и составлявшая ей конкуренцию практически во всех уголках мира. Безусловно, Лондон не мог не учитывать позиции всех доминировавших в мире в те годы великих континентальных держав Европы, но, в первую очередь, политический курс Британии в этот период определялся и во многом зависел от позиции Парижа. Упомянутый выше американский историк Ф. Майерс однозначно утверждает, что «Франция была третьей стороной в... уравнении кризиса» [12, р. 6].

Действительно, Франция и Британия были главными соперниками на протяжении многих десятилетий. Лондон с 40-х годов XIX века серьёзно опасался «французского реванша» и реализации исторически сформировавшегося стремления французов вторгнуться в Альбион через Ла-Манш. Призрак очередного «Наполеона» у кормила власти в Париже стал явью в 1852 г. с воцарением во французской столице Луи Наполеона Бонапарта в качестве императора Наполеона III. С началом американского кризиса Париж, одновременно с Лондоном объявивший о нейтралитете по отношению к Гражданской войне, попытался реализовать британский внешнеполитический принцип «разделяй и властвуй». Французская дипломатия, используя фактор натянутости отношений Лондона и Вашингтона, активно стремилась подтолкнуть Британию к официальному признанию независимости Конфедерации и тем самым спровоцировать войну Британии с США. Более того, Париж начал шантажировать Лондон тем, что северяне в случае победы якобы вынашивают планы последующего захвата Канады и Мексики. В целом, как пишет Ф. Майерс, французы чрезмерно увлеклись своей вероломной игрой, «сталкивая лбами» страны, ссоря премьеров и министров, в результате чего добились обратного эффекта [12, с. 6]. Не в последнюю очередь из-за грубых происков французов Вашингтон и Лондон начали осознавать себя двумя субъектами единого англосаксонского мира и пошли на сближение.

К другому фактору, способствовавшему укреплению отношений Вашингтона и Лондона, можно отнести неожиданно для многих проявившуюся слабость дипломатии конфедератов. Ими была сделана ошибочная ставка всецело на Лондон, где поначалу действительно отмечались весьма сильные симпатии к Югу и даже начал формироваться политический блок в пользу необходимости военного вмешательства в Гражданскую войну в США. Попустительство официального Лондона полулегальным поставкам вооружений южанам было поспешно истолковано конфедератами как начало кампании по официальному признанию независимости с соответствующими последствиями в виде расширения военной и финансовой помощи. При этом южане практически свернули дипломатическую активность по привлечению на свою сторону других влиятельных держав и... проиграли, оказавшись почти в абсолютной политической изоляции. К концу второго года войны южане явственно почувствовали, что Лондон «бросил их», хотя на полях сражений ситуация, казалось бы, не складывалась однозначно в пользу северян. С этого момента конфедераты в открытую стали обвинять Лондон в двурушничестве [7, p. 52].

К концу 1862 – началу 1863 г. действительно имела место корректировка позиции Лондона в отношении Гражданской войны в США. Причём на такой поворот курса повлияли отнюдь не только «французский фактор» и провалы конфедератов на дипломатическом поприще.

Прагматически мыслящие британские политики чётко осознавали, что изнурённой недавно закончившейся войной в Крыму Британии в случае ввязывания в новую войну, угрожает крах как мировому торговому лидеру, чем не преминут воспользоваться её конкуренты из континентальной Европы. По мнению этой группы британских политических деятелей, только искусно избегая прямого вовлечения в порождённые международной нестабильностью конфликты, можно всецело сосредоточиться на проблемах экономического роста, что, впоследствии, даст преимущества в реализации военной политики. Эту группу прагматиков в британском истеблишменте возглавлял к тому времени ставший премьером лорд Г. Палмерстон. Он с нескрываемым презрением относился к северянам, называя их «республиканской шайкой». Однако, «руководствуясь прежде всего целесообразностью, нежели принципами», он отстаивал необходимость налаживания дружеских отношений с Вашингтоном [11, p. 114].

Премьеру и его единомышленникам противостояла довольно влиятельная группа сторонников вооружённого вмешательства Британии в Гражданскую войну. Причём эта группа, включавшая как парламентариев, так и членов правительства, возглавлялась мощными политическими фигурами, фактически вторым и третьим по значимости лицами в правительстве: министром иностранных дел лордом Дж. Расселом и министром финансов – У. Гладстоном, который был 4 раза премьер-министром. О степени влияния и прочности позиций этих политиков в британском обществе говорит хотя бы тот факт, что, например, Дж. Рассел, не опасаясь каких-либо репрессий в свой адрес или санкций, выступил в октябре 1862 г. с яркой речью, в которой, вопреки известной позиции своего премьера, призвал признать Конфедерацию в качестве независимого государства и относиться к ней соответствующим образом [5,

с. 5]. И только блестяще осуществлённая Палмерстоном политическая интрига позволила «столкнуть лбами» обоих его оппонентов и в конце концов вообще нейтрализовать группу сторонников вооружённого вмешательства в Гражданскую войну в США. В результате вопрос о возможной британской интервенции к весне 1863 г. был вообще снят с повестки дня.

Такой разворот в политике официального Лондона был с энтузиазмом встречен президентом Линкольном и его соратниками, которым, как и британскому премьеру, приходилось неимоверными усилиями сдерживать «горячие головы» и не накалять и без того взрывоопасную обстановку. Более того, перспективно мыслящий американский президент, не дожидаясь окончания войны, лично инициировал расширение контактов с британцами сначала по дипломатическим, затем по политическим и торговым каналам, предвидя, что в недалёком будущем для устранения последствий военных столкновений и послевоенной разрухи Вашингтону придётся обратиться за помощью именно к Британии, единственному на то время государству, способному финансово и материально помочь американцам.

С завершением в 1865 г. Гражданской войны в США почти сразу естественным образом встал вопрос о разрешении порождённых ею разногласий и противоречий в американо-британских отношениях, которые не раз могли привести Вашингтон и Лондон к вооружённому противоборству. Однако стороны не стали спешить с заключением соглашения и избрали путь методичной проработки всех аспектов взаимоотношений, которые бы и легли в основу положений и статей будущего договора. Это заняло шесть лет.

Но пока продолжались весьма трудные переговоры, совершенно неожиданно возникла новая проблема в американо-британских отношениях, вызванная восстанием фениев в Ирландии*. Дело в том, что они имели теснейшие связи со своими соплеменниками в США, эмигрировавшими туда после разразившегося в Ирландии в 1848–1850 гг. голода и последовавшего вслед за этим насильственного «выдавливания лишних ртов» британскими властями. В США выходцы из Ирландии быстро освоились и приобрели настолько сильное влияние, что ни один из политиков не мог игнорировать их мнение. Фении начали будоражить общественное мнение, провоцируя беспорядки и в британской Канаде. Будучи гражданами США, некоторые авантюристически настроенные ирландцы выезжали на свою родину, в Ирландию, и организовывали беспорядки и выступления против британских властей, не опасаясь жёстких репрессий в США. Британцы же считали этих деятелей объектами возможного судебного преследования, как в своё время моряков британских ВМС, дезертировавших в американский флот, что, кстати, было одной из причин развязывания войны 1812 г. Разрешение данной проблемы также стало одним из аспектов, включённых в разрабатываемый договор.

Примечательно, что британцы поначалу не слишком ретиво реагировали на оказываемое на них давление со стороны американцев. И лишь Франко-

* Фении – члены тайного Ирландского революционного братства, основанного в 1858 г., с центрами в США и Ирландии, боровшегося за освобождение Ирландии от английского господства.

Прусская война 1870–1871 гг., неожиданно завершившаяся полным разгромом армий Наполеона III, и последовавшая в тот же период денонсация Россией договора по Чёрному морю настолько озаботили Лондон своими непредсказуемыми последствиями, что британское руководство решило побыстрее разрешить проблемы хотя бы в отношениях с США.

8 мая 1871 г. всеобъемлющий Вашингтонский договор был наконец подписан. Помимо обычных в таких случаях договорных статей (всего их 43) о заверениях в дружбе, планах сотрудничества, обязательств урегулирования споров мирным путём и т.д., данный документ содержал и нетривиальное положение о необходимости привлечения третейского суда для разрешения споров, которые в силу тех или иных обстоятельств или субъективных причин стороны просто не могли разрешить. Для этого в Женеве был сформирован Арбитражный суд в составе представителей США, Британии, Швейцарии, Италии и Бразилии, который уже в сентябре 1872 г. принял ряд решений, обязательных для неукоснительного исполнения. В частности, Вашингтону была выплачена компенсация за упоминавшийся торговый крейсер «Алабама» и связанные с ним проблемы (в 15,5 млн. долл.).

В целом, в международном праве данный британо-американский договор котируется весьма высоко. И дело, скорее, не в уникальности его статей и положений, а в том времени, когда он разрабатывался, и в тех условиях, когда он был подписан. Договор отвергал военную силу в качестве метода разрешения межгосударственных споров, хотя, и это признавалось по обе стороны Атлантики, данное соглашение всё же упорядочивало базу отношений в сравнительно ограниченном пространстве – в рамках англосаксонского мира. Своеобразно освещённая Вашингтонским договором победа северян в Гражданской войне, подчёркивают американские историки, продемонстрировала имперскому Лондону, что «большой федеральный союз наций и провинций жизнеспособен и даже может быть прочным» [6, р. 53]. По образу и подобию США, державших исторический экзамен, впоследствии были устроены Канада, Австралия и Южно-Африканский Союз как федеральные субъекты международных отношений. В этой связи некоторые исследователи на Западе даже выдвинули тезис о том, что именно союз североамериканских штатов, одержавший победу в Гражданской войне, стал «путеводной звездой» для Лондона в строительстве его конструктивных отношений с колониями и доминионами.

Список литературы

1. Большая Советская Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 10.
2. *Иванян Э.А.* Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX века. М.: Международные отношения, 2001.
3. История XIX века / Под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. Перевод с французского. М.: ОГИЗ, 1938. Т. 2, 4, 6, 8.
4. *Печуров С.Л.* Концепция «англосаксонской исключительности» в американской идеологии: истоки и развитие. // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2011, № 1. С. 61–79.
5. *Похэнка Б.* Иллюстрированная история Гражданской войны в США 1861–1865. М.: Эксмо, 2003. 192 с.

6. *Anderson Stuart*. Race and Rapprochement. Anglo-Saxonism and Anglo-American Relations, 1895-1904. Rutherford, Madison, Teaneck, Fairleigh: Dickinson University Press; London and Toronto: Associated University Press, 1981. 237 p.
7. British-American Discords and Concords: A Record of Three Centuries. New York and London: G.P. Putnam's Sons, 1918. 86 p.
8. House Documents. 56th Congress. 1st Session. No. 458 (4.12.1899–7.06.1900).
9. *Langer William*. The Diplomacy of Imperialism, 1890–1902. 2 vols. New York and London: Alfred A. Knopf, 1935. P. xviii, xii, 797, xxii.
10. Mahan to Lodge, 8.12.1900. Henry Cabot Lodge Papers, Massachusetts Historical Society, Boston.
11. *Milton David*. Lincoln's Spymaster: Thomas Yaines Dudley and the Liverpool Network. Mechanicsburg, Pa: Stackpole Books, 2003. 230 p.
12. *Myers Phillip*. Caution and Cooperation. The American Civil War in British-American Relations. Kent, Ohio: The Kent State University Press. 2008, 332 p.
13. The New York Times. 8.09.1899.
14. The New York World. 25.12.1895.
15. Pauncefote to Salisbury, 19.01.900. Quoted in: *Campbell Ch.S., Jr.* Anglo-American Understanding, 1898–1903. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1957. 385 p.
16. Representative William C. Arnold. Congressional Record. 55th Congress. 2nd Session (6.12.1897–8.07.1898).
17. Roosevelt to John St. Loe Strachey, 18.07.1902.
18. *Sloan Jennie*. Anglo-American Relations and the Venezuelan Boundary Dispute // Hispanic-American Historical Review. 18.11.1938.
19. Spring Rice to Hay. 7.05.1898. Letters of Spring Rice.
20. The Times. 27.01.1896; 28.03.1898.
21. Twain to Howells. 25.01.1900. Mark Twain's Letters / Ed. by Albert B. Pain. 2 vols. New York and London: Harper & Brothers, 1917.